

СУЩНОСТЬ И СУЩЕСТВЕННОСТЬ.* ФИЛОСОФСКО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Любое осмысленное знание, претендующее на истину, есть познание некоторой сущности. Это, со свойственной ему лапидарностью, отмечал еще автор «Метафизики»: «... О сущем говорится в различных значениях, но всякий раз по отношению к одному началу: одно называется сущим потому, что оно сущность, другое — потому, что оно — состояние сущности, третье — потому, что оно путь к сущности или уничтожение и лишенность ее, или то, что производит или порождает сущность и находящееся в каком-то отношении к ней: или оно — отрицание чего-то из этого или отрицание самой сущности...» (1). Поэтому, до тех пор, пока мысль претендует на предметность: определенность и желательно — ясность, тема сущности и существенности, как представляется, сохранит собственную существенность для философии.

Вопрос о природе, методах и способах фиксации и выражения сущности как целостного единства существенных (необходимых) свойств предмета в настоящее время приобретает не только философски методологическое, но и непосредственно прикладное значение. Развитие эмпирических исследований в социологии, лингвистике, психологии, этнографии, антропологии и других науках выявило необходимость обоснования процедур не раздельного и последовательного рассмотрения свойств, а выделения единого комплекса свойств, существенных для данного предмета познания. Другим важным стимулом повышения интереса к данной проблематике являются потребности развития экспертных систем, автоматического распознавания образов, трудности которых во многом связаны с необходимостью учета при моделировании образа способов задания его существенных параметров.

В данной работе будут рассмотрены преимущественно два круга вопросов. Во-первых, это способы фиксации и выражения сущности, прежде всего в плане роста осмысленного знания. И, во-вторых, способы и критерии выделения и выражения существенных свойств. Особое внимание

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда. Проект № 97-03-04130-а.

© Г. Л. Тульчинский, 2000

уделяется философскому осмыслению соответствующих логико-семантических отношений и процедур.

1. Сущность и существенное

В истории философии и в современной литературе сложился чрезвычайно широкий спектр понимания сущности и соответствующих ее толкований. Под сущностью понимается и единая, внутренняя, определяющая связь, и система всех необходимых сторон вещи, взятых в их естественной взаимосвязи, и система свойств и отношений, обуславливающих другие свойства и отношения, и совокупность устойчивых (инвариантных) свойств, и определенный закон развития вещи и т. д. и т. д. Одно только сопоставление различных подходов и дефиниций, деталей и тонких различий их содержания могло бы составить тему самостоятельного и чрезвычайно интересного исследования.

Однако, не углубляясь в детали этих тонких различий, стоит отметить главное. Во-первых, сущность характеризуется набором инвариантных (всегда присущих), устойчивых признаков вещи. С помощью этих признаков и свойств сущность фиксируется и выражается, предстает как единая целостность. Во-вторых, свойства, образующие сущность, являются независимыми, определяющими другие свойства вещи. Эти два качества — инвариантность (устойчивость) и независимость обычно рассматриваются в качестве необходимых и достаточных условий (критериев) рассмотрения свойств как существенных, присущих сущности вещи. Их удовлетворение определяет содержание конкретных методов познания — как абстрактно-теоретического, так и опытного — от бэконовских методов индукции до изощренных экспериментов современной науки.

Каким же образом фиксируется и выражается знание сущности и существенных свойств? Вопрос этот имеет особое значение в перспективе рассмотрения динамики, развития осмысленного знания, перехода одних его форм в другие.

2. Общие и индивидуальные сущности

Глубоко в истории философии и логики коренится понимание развития познания как взаимодействия двух основных форм фиксации и выражения знания: непосредственного указания предмета и его описания. Аристотель подчеркивал принципиальное различие двух характеристик вещей: нерасчлененной индивидуальной неповторимости вещи и свойств, общих ряду объектов. В этой связи он говорил о «первых» («первичных») и «вторых» («вторичных») сущностях. Основной чертой вторичных сущностей является выделение характеристик, общих некоторому множеству

объектов. Поэтому за вторичными сущностями в истории философии закрепилось также название «общие сущности». Вопрос об общей сущности есть вопрос о принадлежности понятия вещи определенному роду. В этом ее отличие от сущности первичной, настолько тесно связанной со своим объектом, что никакой другой объект не может ею обладать. Не случайно общие сущности называют также «индивидуальными».

Показательна судьба вопроса о соотношении индивидуальных и общих сущностей. Для Аристотеля указать сущность явления — это определить его через род и видовое отличие, причем первичные сущности выступают в качестве некоего «предельного вида». Обусловлено это двумя тесно взаимосвязанными факторами: во-первых, центральным местом в учении Аристотеля проблемы соотношения общего, единичного и степеней особенного, лежащих между общим и единичным, и, во-вторых, общей классификационной методологической ориентацией Стагирита.

Общей аристотелевской установке в понимании сущности более соответствовало понятие вторичной сущности, определяемой набором классифицирующих свойств, используемых в качестве родов и видов. Не случайно именно понятие общей сущности было уделено более пристальное внимание последующих поколений философов. Так, родо-видовая трактовка сущности была развита Порфирием, который относил род, вид и видообразующие отличия к существенным свойствам в отличие от собственного и случайного признака — свойств несущественных. Взгляд на сущность как нечто общее был закреплен в Средневековье. Так, по определению Фомы Аквинского, сущность это то, что выражено в дефиниции, «дефиниция же объемлет родовые, но не индивидуальные основания» (2). Отождествление сущности с общими свойствами вещи привело к вопросу о возможности общей универсальной сущности и ее природе.

3. Сущность и существование

Подобный подход приводит к резкому противопоставлению сущности (*essentia*) и существования (*existentia*). В отличие от Аристотеля, для которого сущность есть виды сущего, и даже Боэция и аверроистов, рассматривающих различие между сущностью и существованием как продукт познавательной деятельности, Фома Аквинский ставит вопрос сугубо онтологически. Наличие у единичных явлений некоторой сущности означает для него причастность этих явлений Божественному, обладающему предельной сущностью, в которой сущность и существование тождественны: существование Бога есть прямой результат его собственной сущности. Сущность же единичных вещей не определяет всей конкретности существования — для его реализации необходим особый акт милостивого творящего Божества. Тем самым отрыв сущности от существования, про-

изведенный «ангельским доктором», давал обоснование картины мира, творимого божественной волей.

Предопределен этот отрыв, как это видно из вышесказанного, абсолютизаций общих сущностей. Это то обстоятельство, которое позволяло Августину признавать за истинно сущим такие качества, как нематериальность, бестелесность и внепространственность, что, с одной стороны, обеспечивает ему всеприсутствие, а с другой — делает его недоступным чувственному восприятию и постижимым только умственно (3). Между тем Аристотель не случайно называл индивидные сущности первичными: именно они являются для него прежде всего сущим — предельным видом, и поэтому не может говориться о другом в качестве его рода — общего свойства.

Если для Фомы Аквинского бесспорным существованием обладает универсальная сущность, предельный предикат — Бог, то для Аристотеля сущей сущностью является предельный субъект — единичная вещь. На это обстоятельство было указано средневековыми номиналистами. Так, для Дунса Скота, в отличие от Аквината, наибольшей реальностью обладают именно индивидные сущности. Индивидуальная природа вещей — *haecceitas* в терминологии Скота (этовость, этость) является ключевым моментом всей его философии и логики.

Однако магистральные пути анализа категории сущности вплоть до начала XX столетия лежали в направлении рассмотрения общих свойств и отношений. Более того, Лейбницем был выдвинут знаменитый тезис о тождестве неразличимых, согласно которому вещи характеризуются свойствами вообще вне зависимости от их существенности. Для идентификации вещи, согласно Лейбницу, достаточно некоторое ее описание. Именно в контексте нейтрализации существенности свойств следует понимать замечание Лейбница о том, что «минимум сущности порождает максимум существования».

В философской традиции, таким образом, можно выделить три основных направления в анализе сущности и существенного свойства. Первый подход, наиболее полно и последовательно реализованный Аквинатом, состоит в рассмотрении сущности вещи как ее принадлежности общему. Очевидно, что этот подход есть абсолютизация общих (вторичных) сущностей Аристотеля. Другой подход определяется «тезисом Скота», согласно которому указание сущности вещи заключается в указании ее нерасчлененной на свойства уникальной неповторимости. Такой подход, по сути дела, есть абсолютизация индивидных (первичных) сущностей. Третий подход — Лейбница — является радикальным отказом от проблемы существенного вообще. Фактически он является вырожденным случаем подхода Фомы, поскольку также сводит идентификацию к подведению явления под некоторый предикат, характеризующий общее свойство.

4. Сущность и идентификация

Проблема указания сущности, как уже говорилось, самым непосредственным образом связана с проблемой идентификации (отождествления, индивидуации, распознавания) вещей. Так, согласно Н. Решеру (35), можно говорить о четырех основных способах идентификации, в зависимости от выбора необходимых и достаточных ее критериев.

В первом случае для идентификации достаточно указания «существенных» свойств, так же как равенство этих свойств у двух вещей позволяет говорить об их тождестве:

$$E(x) = E(y) \rightarrow x = y.$$

Н. Решер связывает этот подход с именем Д. Скота. Поэтому, когда он говорит о «существенных» свойствах, речь фактически идет о *haecceitas*, индивидуальной сущности вещи.

Согласно другому подходу, связываемому Н. Решером с Лейбницем, для идентификации достаточно указания общих свойств, а их совпадение у двух вещей означает тождество последних:

$$P(x) = P(y) \rightarrow x = y.$$

Согласно третьему подходу (но Решеру — аристотелевскому) идентификация и тождество должны учитывать оба предыдущих критерия:

$$(P(x) = P(y)) \& (E(x) = E(y)) \rightarrow x = y.$$

Сам Н. Решер вводит также еще один дополнительный критерий идентификации и тождества — остенсивное (непосредственное) указание на предмет типа его предъявления или указания на него как «вои тот предмет». Поэтому полнота идентификации и тождества, согласно Н. Решеру, должна включать в себя все указанные критерии:

$$(P(x) = P(y)) \& (E(x) = E(y)) \& (I(x) = I(y)) \rightarrow x = y.$$

Как представляется, и это будет специально рассмотрено ниже, остенсивное указание суть один из способов указания уникальной неповторимости и целостности вещи, иначе говоря, разновидность указания индивидуальной сущности. Поэтому можно констатировать главное — полное указание сущности предполагает не только простое указание «нейтральных» свойств вещи (Лейбниц) или некоторых общих свойств, существенных в каком-то аспекте (Фома Аквинский), но и всегда должно дополняться и подкрепляться указанием индивидуальной неповторимости вещи, ее *haecceitas* (Скот, Решер). Короче говоря, полноценная идентификация и

отождествление предполагают полноту указания сущности, включающую указание и общей, и индивидуальной сущности вещи.

Встает вопрос о соотношении и взаимосвязи этих способов указания сущности. Сводимы ли индивидуальные сущности к общим или, наоборот, — общие в индивидуальном? Или же их природа принципиально различна? Эти вопросы, как уже было показано, лежат в основе спора об универсалиях, о связи сущности и существования и других проблем, магистральных для развития философии и логики. Показательно в этом плане рассмотрение некоторых проблем, возникающих при обосновании современных систем логического анализа, в первую очередь — модальных и интенциональных логик, семантическое обоснование которых потребовало уточнения и переосмысления способов указания необходимых (существенных) свойств именно в плане соотношения индивидуальных и общих сущностей. Такое рассмотрение не только поучительно, но и важно в контексте современного рассмотрения проблемы сущности.

5. Проблема эссенциализма в интенциональной логике

Речь идет не о сводимости проблемы сущности и существенного к частным вопросам семантики модальных систем, а о том, что последние позволяют уточнить некоторые важные аспекты более общей философской проблемы. К этим вопросам относится, например, проблема обоснования различных систем, допускающих сочетание модальных характеристик суждения с квантификацией, когда модальность может относиться не только к способу речи об объектах, но и к самим этим объектам. Иначе говоря, модальное суждение будет истинным тогда и только тогда, когда имеется объект, который обладает определенным свойством с необходимостью, т. е. существенно. Это означает принятие определенного «эссенциализма» (4).

Выражение $(Ex) NP(x)$, где N — модальный оператор необходимости, а (Ex) — квантор существования («существует такой x , что...»), истинно тогда и только тогда, когда имеется объект, обладающий существенно свойством P , но обладание этим свойством зависит от способа указания этого объекта. Существенность свойства оказывается зависимой от способа осмысления — важнейшее обстоятельство, к рассмотрению которого еще придется вернуться.

Трактовка семантического обоснования квантифицированной модальной логики в духе признания существования объектов, обладающих некоторыми свойствами существенно, вполне соответствует чеканной формулировке Августина, согласно которому быть сущностью означает, «во-первых, быть, во-вторых, быть тем или другим, в-третьих, оставаться

тем, что есть, столько, сколько возможно» (5). Подобный эссенциализм в основаниях логики был решительно отвергнут У. Куайном (6). Признание свойств в качестве существенных или несущественных зависит от целей рассмотрения, что, по мнению Куайна, лишает оснований построение логической теории, сочетающей модальности и квантификацию. Если же мы хотим пользоваться формализмом кванторной модальной логики, то нам необходимо ответить на вопрос, каким образом обеспечивается указание сущности вещи, ее идентификация — каждый раз заново или однажды раз и навсегда?

6. Возможные миры и твердые десигнаторы

В развернувшейся дискуссии были выявлены две радикально отличные друг от друга позиции. Согласно одной точке зрения (Д. Льюис, Я. Хинтикка, Э. Сааринен, Я. Тихи и др.) указание объекта осуществляется посредством сравнения наборов свойств, характеризующих его в альтернативных системах описания («возможных мирах»). Термин при этом связывается с некоторой функцией, выбирающей указания объекта в различных его описаниях. Поэтому такой подход условно можно назвать функционально-описательным. Нетрудно заметить, что он является развитием и конкретизацией на логико-семантическом материале родо-видовой трактовки сущности, указываемой посредством сравнения предикатов. При этом эта сущность будет варьироваться в зависимости от используемых для описания предикатов, т. е. от концептуальной системы анализа. Это придает понятию сущности неопределенный характер и статус, что выражается в необходимости всякий раз новой идентификации объекта «сквозь миры» при переходе от одной системы описания к другой.

Согласно другой концепции, анализ начинается не с систем описания, а с конкретных индивидов, и вопрос поэтому заключается не во всякий раз новой идентификации, а скорее в нахождении некоторого «твердого десигнатора» (С. Крипке) или «имени субстанции» (К. Донелан), или «индексного имени» (Х. Патнем), обозначающего нечто, существующее во всех альтернативных описаниях и обладающее устойчивым набором свойств.

Противостояние этих подходов можно найти еще в «Тееэтете», где Платон доказывает, что объект истинного знания не может зависеть от этого знания (концептуальной системы), а, наоборот, является его источником и причиной, вызывающей, согласно платоновской метафоре, отпечаток на восковой дощечке души (7). Аналогично и Крипке, например, полагает, что критерии указания объекта задаются не по некоторым свойствам, а в рамках системы описания (8).

В самом деле, хотя для Аристотеля самое существенное свойство связано с его философскими работами, а для Наполеона — с его военными

походами, отсутствие этих свойств не мешало бы нам говорить о них как об индивидах. Обеспечивается это употреблениями их имен собственных. Имена собственные и рассматриваются Крипке в качестве бесспорных твердых десигнаторов. Имя собственное не требует знания существенных свойств и часто дается по свойствам случайным, поскольку указание обеспечивается и определяется при этом не свойствами вообще, а непрерывной цепью традиции именования, как бы проведением «каузальной цепочки» от настоящего употребления имени вплоть до первого его употребления, «первого крещения» объекта. В общем случае наше указание зависит не только от того, что мы сами думаем, но и от других людей от истории введения имени в оборот, традиции его употребления. Тем самым вопрос об указании выносится за рамки познавательных процедур в широкий контекст социальной коммуникации. Поэтому подобный подход можно также назвать «каузально-историческим», а еще лучше — «нормативно-указательным», поскольку он связан, с одной стороны, с введением некоторой нормативной традиции указания, а с другой — с указанием нормативного образца, соответствие с которым оценивается как истинности утверждения. Нормативно-указательная идентификация во многом совпадает с трактовкой Д. Скотом роли и значения индивидуальных сущностей. Не случайно в современной логической семантике твердая десигнация получила название *haecceitism*, прямо заимствованное из терминологии Скота.

7. Функционально-описательная и нормативно-указательная идентификация

Учитывая, что под смыслом в логической семантике со времен Г. Фрега понимается способ указания объекта, можно говорить не просто о двух подходах к трактовке способов указания и идентификации, а о двух теориях смысла. И их противостояние в современной логической семантике до самого последнего времени было достаточно острым. Дело не просто в сарказме, которым проникнуты работы, например, С. Крипке или Я. Хинтикки, а в предельно острой формулировке альтернативы: «... либо каждая вещь имеет свою *haecceitas*, которая гарантирует ее единственность в каждом возможном мире, либо ничто ни в одном возможном мире не тождественно ни с чем в другом возможном мире» (9). Представляется, что подобная абсолютизация крайностей, основанная фактически на абсолютизации роли либо общих, либо индивидуальных сущностей, приводит к серьезным трудностям.

Так, функционально-описательный подход приводит к проблеме экзистенциальных (онтологических) предпосылок и допущений системы описания, поскольку любое приписывание предикатов (общих сущностей

оказывается связанным с предположением о существовании объектов — носителей соответствующих свойств. В результате каждая система описания и осмысления оказывается несопоставимой с другими в силу того, что их предметные области онтологически независимы. Подробная концепция не может не вызывать возражения. Например, она не может служить гарантией против абсолютизации одного из видов существования и приписывания ему статуса первичной реальности.

Испытывает трудности и чисто нормативно-указательный подход, выхватывающий проблему указания сущности из теоретико-познавательного контекста. Существенные свойства имеются не в объекте самом по себе, а проявляются при анализе явлений. От рассмотрения такого анализа и уходят сторонники твердой десигнации, придавая своей концепции метафизический и одновременно неявный, интуитивный характер.

Современный спор в логической семантике во многом вызван, как представляется, философскими позициями спорящих сторон, уходящими корнями в средневековое противостояние реализма и номинализма. Поэтому построение формально-логических систем, в свою очередь, предполагает тщательный философский анализ, как и современное философское рассмотрение проблемы сущности должно опираться на результаты логико-семантического анализа. «Изобретение все более тонких способов обойти логико-семантические трудности не заменяет философского осмысления, имеющего большую историю» (10). Поэтому необходимо рассмотрение не только и не столько различий, сколько соотношения и взаимосвязи между описательной и нормативно-указательной идентификацией в контексте развития и совершенствования осмысленного знания, его возникновения, уточнения и роста.

8. Знание по описанию и знание по знакомству

В чем же различия видов знания, возникающих в результате осмысления на основе описательной и нормативно-указательной идентификации объекта познания? Они улавливаются, например, в двух вариантах ответа на вопрос: «Кто написал эту работу?» — «Профессор такой-то кафедры такого-то вуза» и «Вот этот господин». В связи с подобными различиями Б. Рассел отличал «знание по описанию» от «знания по знакомству». Последнее он считал фундаментом познания, единственно гарантирующим адекватность идентификации, поскольку оно предшествует любым характеристикам и описаниям. «Мы говорим, что мы знакомы с чем-либо, если это нам непосредственно известно, — без посредства умозаключений и без какого-то ни было знания суждений» (11). Показательно, что этой фундаментальной для него идее теории познания Рассел не изменил на протяжении всей своей длительной и временами радикальной философской эволюции.

Знание по знакомству Рассел связывает с некоторым «полным комплексом переживаний», образующим единое целое из зрительных, слуховых, осязательных и других восприятий и впечатлений. Такое знание апеллирует ко всему этому комплексу в целом без различения его составляющих. Именно знание по знакомству фигурирует при использовании имен собственных, а также указательных местоимений, необходимость в которых, согласно Расселу, «связана с нашим способом приобретения знания и исчезла бы, если бы знание было полным» (12). Иначе говоря, необходимость в знании по знакомству возникает в тех случаях, когда нам не известны составляющие комплекса переживаний, когда наши знания не дифференцированы в систему описаний. В этом плане Рассел принципиально противостоит Лейбницу, утверждавшему, что полное индивидуальное понятие (соответствующее индивидуальной сущности) всегда является конъюнкцией всех общих свойств объекта.

С установкой на знание по знакомству в качестве исходной точки роста знания фактически связана и концепция твердой десигнации: употребление имен собственных не требует знания всей совокупности описаний объекта и обеспечивает зачастую более точную идентификацию, более точно указывает на объект, чем целая система описаний и определений через род и видовое отличие. Однако ни Рассел, ни современные логические семантики не идут дальше различения и противопоставления двух путей идентификации. Между тем, несомненно, особый интерес представляет рассмотрение реального процесса идентификации, когда обе крайности оказываются не принципиально различными, противостоящими друг другу способами указания сущности, а сторонами, аспектами возникновения и развития знания.

9. Рост знания: динамика существенного и диалогичность осмысления

Развитие знания и осмысления — это не только путь от выделения свойств вещи к знанию вещи как комплекса этих свойств, но и встречное движение — от идентификации некоторой нерасчлененной целостности к постепенной дифференциации ее свойств. Так, человек первоначально имел дело с индивидуальной сущностью — водой, и лишь по мере развития научного знания постепенно формулировал знания о ее свойствах, химическом составе, т. е. о ее общей сущности. Аналогично ребенок впервые использует слова «стол», «собака» и т. д. фактически как имена собственные этих предметов и лишь по мере развития и усложнения своего опыта приходит к осознанию общих сущностей, указываемых этими словами.

Начинаясь со знания неполного, развитие знания и осмысления продолжается во все более дифференцированном указании общих сущностей

посредством все более точных описаний и определений первоначально нерасчленимо целостной характеристики. Однако аналитическая истинность таких описаний и определений обеспечивается и подкрепляется всегда указаниями тождества вновь вводимой общей сущности (описательной идентификации) с сущностью индивидуальной (идентификацией нормативно-указательной), введенной ранее. Например, тепловые явления первоначально объяснялись через ощущения тепла. Затем выяснилось, что причина их заключается в движении молекул. Это знание следовало определить как необходимо истинное в самом строгом смысле слова, поскольку немислима такая система описания, в которой тепловые явления не проявлялись бы через движения молекул. По этой причине термин «молекулярное движение» составляет в паре с первоначальным твердым десигнатором «тепло» необходимо истинное утверждение тождества.

Описательная и нормативно-ценностная идентификация оказываются проявлением действия общего механизма осмысления действительности, носящего принципиально диалогический характер взаимодействия его дискретно-дискурсивной и образно целостной подсистем (13). Существо дела оказывается не в противопоставлении общих и индивидуальных сущностей и соответствующих способов их указания, а в взаимодействии и взаимосвязи этих способов и соответствующих средств. Первая из подсистем осмысления обеспечивает накопление и развертывание описаний и других характеристик явлений, вторая — устойчивость и преемственность динамики осмысления посредством отождествления вновь вводимых описаний с имеющимися твердыми десигнаторами, вводя тем самым новые указательные нормативы.

Эта динамика осмысления воспроизводится в развитии научного знания и в соотношении чувственного и рационального, эмпирического и теоретического. Так, раскрытие значения и смысла эмпирических фактов и наблюдений, их объяснение дают гипотезы и теории, т. е. дополнительное знание, за счет синтеза которого с фактами и достигается осмысление данных опыта, возникает новое знание. Однако именно эмпирические данные позволяют контролировать развитие знания посредством установления соответствия гипотез и теорий фактам. Единство же теоретического и эмпирического посредствуется логической связностью и непротиворечивостью единой системы знания.

Чрезвычайно показательно (но, к сожалению, выходит за рамки данной работы) сопоставление двух видов указания сущности и их взаимосвязи со специализацией полушарий головного мозга: правого — как хранителя индивидуальной памяти в виде целостных образов, и левого, связанного с социализацией и словесной дискурсией.

Может быть раскрыта и еще одна сторона взаимосвязи способом указания сущности и идентификации в процессах познания и осмысления.

Речь идет о соотношении индивидуального и социального опыта в динамике осмысления. Поскольку общие сущности как описания и определения выявляются по мере вовлечения объектов в сферу социальной практической деятельности, их практического и духовного освоения, то знание этих сущностей предстает знанием социальным, а сами они — социальными значениями. Однако, в свою очередь, развитие социального знания и опыта предполагает наличие знания индивидуальной личности, реализуется в этом знании. Обычно человек не обладает «полным» знанием о каждом объекте. Носителем исторически определенной полноты знания общей сущности являются субъекты, профессионально занимающиеся определенным видом деятельности в силу общественного разделения труда, например, ученые-специалисты. Человеку же обычно достаточно знания «частичных» значений, а недостаток знания общих сущностей вполне компенсируется твердой десигнацией индивидных сущностей личного опыта или отсылкой к нормативному авторитету специалиста.

Особый интерес представляет связь нормативной идентификации с авторитетом, поскольку выводит анализ динамики роста знания в контекст социальной коммуникации. В этом плане может быть по-новому рассмотрена проблема «герменевтического круга». По-новому в этом плане может быть рассмотрена и роль классических произведений в развитии художественной культуры, которые в историческом времени живут более полной и интенсивной жизнью, чем в культуре, их породившей. Очевидно, достигается это за счет богатства связей и ассоциаций данных произведений как с прошлыми, так и с современными культурами. Такие произведения ведут себя фактически как твердые десигнаторы, выполняя роль связующих нитей между культурами, обеспечивая преемственность в их развитии.

В основе динамики осмысления не могут лежать простые отступления от образца, ошибки, искажения нормы и закрепление их в практике, как считает, например, М. А. Розов, сравнивая эти процессы с игрой в «испорченный телефон» (14). Общество не могло бы существовать, если бы в каждом акте деятельности оно не воссоздавало бы свойственную ему систему отношений, определенную традицию. Следовательно, динамика осмысления реализуется лишь как выражение традиционного и нетрадиционного, сдвигов в осмыслении и сохранении преемственности осмысления в соответствующих нормативных системах. Традиционность нового нетрадиционного в осмыслении обеспечивается взаимосвязью рассмотренных способов идентификации и указания сущности.

10. Отождествление нетождественного, или зашнуровывающая метафора

Между общими и индивидуальными сущностями, между описательной и нормативной идентификацией нет и не может быть пропасти, поскольку это не две различные формы осмысления действительности, а взаимодополняющие друг друга стороны единого познавательного процесса осмысления, постоянное взаимодействие («диалог») которых обеспечивает поступательное развитие человеческого знания, рост объема стабильных истин. Их взаимоотношение проявляется как установление аналитически истинного тождества неизвестного с уже известным, как отождествление нетождественного, т.е. фактически как метафора (15). Такая аналитически истинная метафора как бы «зашнуровывает» сферу неизвестного с помощью уже известного, все более расширяя тем самым сферу осмысленного истинного знания.

Осмысляющая метафора реализуется как бы между двумя полюсами смысловой структуры: указанием предметного значения и переживанием как компонентом личностного смысла. Осмысление не сводимо к адекватному указанию только предметного социального значения. Абсолютизация такого указания, сведение к нему характерно для структурализма и аналитической философии. Вместе с тем осмысление не сводимо и к глубинным переживаниям субъекта. Подобная абсолютизация уводит в дебри самодостаточности индивидуального сознания в духе футуристической «зауми» или сюрреалистических композиций. Осмысление всегда диалогическое столкновение смысловых структур. Оно не исчерпывается точным знанием некоторых значений, как и отсутствием этого значения. И в том и в другом случае осмысление просто не может возникнуть. Оно суть ориентация и «поведение» мысли в процессе диалогического столкновения смысловых структур.

Что же обозначают уподобляющие и аналитически истинные метафоры, «зашнуровывающие» поле осмысленного неизвестного? Что гарантирует предметность и содержательность осмысленного знания? Меняется ли при отождествлении нетождественного предметное содержание знания, и если меняется, то в чем это выражается?

11. Конструкты, модели и сущность

Решение проблемы, как представляется, связано с конструктивным характером человеческого познания, оперирующего своим предметом как некоторым конструктом, познание которого заключается в осознании его «сделанности». Именно такие конструкты — модели — выступают представлением о «скрытом схематизме» (Ф. Бэкон) явления, о его существенных свойствах и отношениях. Именно в конструктах и моделях выража-

ется абстрагирующая роль сознания в плане выделения свойств, существенных в определенных отношениях.

Адекватность познания действительности достигается не столько за счет описаний, «прикалывающих» знание к миру реальности, сколько за счет построения моделей (реальных и концептуальных) — они-то и подлежат описанию. Например, различия формализма и конструктивизма в основаниях математики заключаются именно в различиях установки либо на построение математических структур (конструктивизм), либо на их непротиворечивое описание (формализм).

Для науки вообще характерна установка на выявление объективных закономерностей возможного преобразования реального предметного мира. Самолеты и ракеты летают не вопреки естественным законам, а именно благодаря им и конструктивной деятельности сознания. При этом научное познание ориентировано на последнюю не только в качестве объектов, реально преобразуемых на основе уже сложившихся и освоенных способов производства, технологии и других форм практики, но и таких предметных структур, освоение которых может быть осуществлено лишь в будущем. Как подчеркивает ряд исследователей, в основе научных картин мира лежат представления об абстрактных объектах — конструктах и их характеристиках, принципах оперирования ими и т. д. Именно с помощью этих представлений строятся научные теории, подвергаемые затем экспериментальной проверке. Данное обстоятельство характерно не только для научного познания, но и для других сфер духовно-практического освоения действительности: в искусстве это — художественные образы, в морали — представления об образцах поведения, в политике — представления об идеальном обществе. С гносеологической точки зрения все они не что иное, как определенные модели, выступающие одновременно как определенные результаты познавательной деятельности и как образцы, ориентиры выделения существенных для целей общественной практики свойств и отношений.

К таким моделям — одновременно конструктам и образцам, реализующим представления о возможностях человеческой деятельности, и апеллируют «тождества нетождественного». Эти модели выступают предметными значениями уподобляющих метафор, делая их аналитически истинными и обеспечивая необходимую общность опыта людей в различных обстоятельствах. Конструктивность познания и осмысления гарантирует необходимую «технологическую трансформацию действительного мира» в соответствующие целям общественной практики специфицированные структуры, которые могут быть неоднократно повторены в случае необходимости. Соответствие моделей практическому опыту гарантируется с помощью непосредственных нормативных указаний, обеспечивающих одновременно преемственность и традицию в развитии знания и социально-

го опыта в целом. Таким образом, осмысление проблемы существенности высвечивает новые грани таких традиционных для методологии науки понятий, как модель и моделирование.

12. Существенность и ноуменальность: проблема нормативно-ценностного синтеза

Соотношение нормативного и описательного указания сущности позволяет пролить новый, дополнительный свет на традиционные и даже классические проблемы философии. Так, конструктивный (модельный) характер значения аналитически истинной метафоры позволяет выявить рациональное зерно в кантовской идее ноумена — внеопытном представлении об умопостигаемой сущности «вещи-в-себе». С этих позиций ноумен — не что иное, как модельное представление о познавательном объекте, его реконструкция сознанием. Однако что составляет основу априорного созерцания и синтетического знания о нем? Априорное созерцание (и синтетическое априорное знание) предполагают возможность созерцания вне и до чувственного опыта, т. е. возможность мысленного эксперимента с конструктами (ноуменами в терминологии И. Канта). Такую возможность и дает аналитически истинная метафора типа « H_2O = вода», когда субъект априорно «созерцает» воду именно как H_2O , вещество, молекулы которого состоят из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Аналогично с помощью таких же аналитически истинных уподоблений теплота воспринимается как движение молекул, имеющее различную скорость.

Важно отметить, что при этом речь идет не столько о кантовском априорном созерцании или об эйдетической интуиции, против которой возражал сам И. Кант, а о конструктивном характере мышления, оперирующего уже известным, познанным объектом на основе представлений о возможностях его преобразования в соответствии с представлениями о желаемом, должном и необходимом.

Осмысленное знание — это знание не только истинное, знание о сущем. Оно является также знанием о должном, необходимом, включая представления о цели как нормативном образе желаемого будущего, определяющем существенность истинного знания для конкретных практических целей. В этом плане логическая семантика (и теория смысла как ее составляющая) не могут ограничиваться рассмотрением механизма установления истинности знания в духе двухплоскостной семантики Тарского. Принципиально важным оказывается учет промежуточного звена — концептуализирующей деятельности сознания при осмыслении действительности.

Существенность, сущность, так же, как и смысл, имеют место только в целеустремленных системах. Именно преследование определенных целей

обуславливает характер и содержание концептуализации «в то или ином смысле». Поэтому осмысленность и существенность человеческого знания фактически есть выражение великого многообразия явных и неявных, в том числе и крайне сложно опосредованных целей, задающих контекст смысловых связей и ассоциаций.

13. От логики объема понятий к логике их содержания? Существенность и необходимость

Традиционная формальная логика отвлекается от контекста осмысления обстоятельства. Она строится как анализ объемных (экстенциональных) отношений (как отношений между объемами понятий) нейтрально к существенности анализируемых свойств. Последние предстают просто как основания отнесения предметов к тем или иным классам (множествам). Поэтому неспроста вопросы, связанные с идеями сущности и существенности, их соотношения с проблемой истинности возникли именно при семантическом обосновании систем модальной (интенциональной) логики, связанной с анализом смысловых отношений. Отрицание Куайном возможности такой логики не случайно. Оно является выражением традиционной установки на нейтральность логического анализа к существенности, а значит — к целям и практическому контексту познания. Отвергаемая Куайном апелляция модальной логики к категории сущности, «эссенциональность» модальной логики принципиальна и функциональна: переходя от обычной кванторной логики к модальной, мы покидаем сферу исключительно отношений между объемами понятий и обязаны учитывать отношения между их содержаниями, т.е. между существенными свойствами.

Основания такого рассмотрения носят не столько логический, сколько семантический характер. Но логическая семантика как «логика содержания» должна предшествовать «логике объема» понятий. Как показывает опыт, обоснование и философское осмысление модальной логики на путях обычной («объемной») логики и референциальной (указательной) семантики затруднены. В лучшем случае оно дает сведение смысловых отношений к указательным, а смыслового значения — к предметному, что в конечном счете сводит понятие необходимости к идее всеобщности указания себе-тождественной вещи (16) и онтологизации смысла в виде «возможного индивида» (17). Между тем понятие необходимости и связанные с ним понятия «сущность» и «существенное свойство» имеют важный деятельностный аспект: необходимость и существенность познаваемых свойств и отношений для целей практической деятельности, необходимое — это не

только и не столько «везде и всегда сущее», но и необходимое для достижения определенных целей — то, без чего не обойтись.

Свойства вещей, и тем более существенные свойства, не порождены человеком. Они естественны и материальны, но их выявление возможно лишь в результате практической деятельности, преследующей определенные цели и располагающей конкретными возможностями их реализации.

В настоящее время можно констатировать вызревание новой ориентации в гносеологии и логической семантике. Традиционно главная проблема теории познания, логики и методологии науки есть вопрос о гарантиях и регулятивах получения истинного знания. Соотношения знания и действительности при этом рассматриваются «однонаправленно» — от действительности к знанию, как представленность действительности в формах знания. Но познание одновременно и активное воспроизведение действительности, обусловленное целями практической деятельности. Анализ знания как знания осмысленного ставит перед гносеологией, логикой и методологией комплекс проблем, связанных не только с обеспечением адекватной «представленности» действительности в определенных формах знания или обеспечением непротиворечивости этих форм, но и ее встречным движением — от знания к предмету, т. е. с воплощением определенных знаний и идей в продуктах социальной деятельности но преобразованию мира.

Подобная ориентация принципиально важна для анализа философских и методологических проблем технического знания, изучающего не столько предметы и явления в их «естественном» бытии, сколько возможности их преобразования. Техническое знание преимущественно выступает как представления о необходимом конечном (деловом) продукте (вещи, энергии, информации и т. п.), а также о средствах и способах его получения, каждый из которых уточняется в терминах реальных возможностей (18). Иначе говоря, мы имеем дело с интегрированным единством знания о целях и средствах их реализации в процессе деятельности, упорядоченной на основе этого знания. В принципе подобную структуру имеет любое «технологическое» знание, связанное с обоснованием преобразовательной деятельности человека, преобразования им природы, общества и себя самого. Поэтому логические основания анализа такого знания принципиально важны для уяснения логико-методологического статуса наук об «искусственном» вообще (19), построения теории творчества, эвристики как науки о творческом, конструктивном мышлении.

14. Существенное как синтез истинного, должного и возможного

Как представляется, рассмотренный круг вопросов ставит проблему возможности логико-семантического анализа, строящегося не только на

традиционных критериях непротиворечивости адекватного описания действительности, но и на критериях целесообразности. Познание объективных закономерностей в указанных сферах предполагает не только установление адекватных описаний действительности, но и соответствие конкретным целям социальной деятельности данных теорий, машин, проектов, программ и планов.

Поэтому обоснование указанных сфер познания нуждается в специальных средствах анализа. Эти средства должны давать возможность вести анализ не только в терминах соответствия знания реальности, но также в терминах должного, возможного и нормативного. По крайней мере можно предположить, что в логико-гносеологическом плане такой анализ есть прежде всего осмысление существенности как единства фактов, оценки и нормативного предписания.

Структура осмысленной существенности как синтеза описаний, целей и предписаний аналогична структуре целевой программы. Можно утверждать, что логическая структура целевых программ дает исключительные возможности представления и анализа осмысленного и существенного знания. Познание предмета связано с раскрытием его объективных свойств, его сущности, что определяет характер и содержание полученного знания. Именно раскрытие сущности предмета определяет осознание его «сделанности» как центрального момента познания и осмысления. Только следуя логике этой сущности, человеческое сознание способно к формированию идеи — наиболее зрелой и развитой формы осмысления, в которой соединяются в едином интегральном синтезе знание, представление об идеальном (нормативном) образце и программа его реализации (20). С развиваемой точки зрения идея сущности предстает как синтез знания истины, должного и возможного.

Но какова логическая природа этого синтеза? Являются ли отношения указанных сторон осмысленного знания логическими? Если — нет, то анализ творческой деятельности, аргументация, управление и планирование и ряд других сфер научной и практической деятельности лишаются логических оснований. Если — да, то каков может быть аппарат такого анализа? Достаточно ли для этих целей аппарата обычной логики или необходимо построение специальных формализмов? И самое главное — каковы семантические основания логического анализа указанного синтеза? Разумеется, привлекательным выглядит тезис, согласно которому логика может быть использована не только для выяснения того, что имеет место, но и для указания того, что мы должны делать, но правомерность этого тезиса должна быть обоснована и раскрыта.

15. Логико-семантические основания нормативно-ценностного синтеза

Трактовка логики как науки о получении истинных следствий из истинных посылок все более уступает место более широкой концепции, связанной либо с обобщением понятия следования, основанного на традиционной истинностной оценке и, кроме того, на практических рассуждениях либо с введением для последних специальных аналогов истинности и ложности (как соответствия, например, идеалам добра, целям субъекта и т.д.). Разработка такой концепции — один из наиболее острых вопросов философии логики. В свое время отказ неопозитивизма от учета нормативно-ценностных факторов познания и ограничение последнего исключительно критериями логической непротиворечивости и эмпирической верификации привели ориентированную подобным образом логику науки в методологические тупики. Не менее опасна и другая крайность — абсолютизация ценностных аспектов, поглощение ими идеала истинного знания как адекватного осмысления реального мира. Такая крайность ведет к полному релятивизму. Проявлением той же тенденции является и прагматическое толкование истины как целесообразности, соответствия целям субъекта.

Задача, как представляется, заключается не в сведении оценок и норм к описаниям или в построении «новой теории истины» и не в изгнании аксиологии из гносеологии или построении аксиологической теории познания. Отправную точку решения проблемы можно найти у того же Аристотеля (21).

Оценочные и нормативные суждения выступают как истинные или ложные в силу их соответствия или несоответствия определенным критериям и требованиям (22). В этом смысле проверка оценочного или нормативного суждения на истинность осуществляется соотнесением его не с эмпирическим фактом, а с нормативно-ценностными установками (образами, целями и т.п.), определяющими осмысление этих суждений. Такая трактовка семантической оценки пуждается в уточнении, поскольку истинность в этом случае получает излишнее расширительное толкование.

Цели как вид знания оцениваются не с точки зрения их истинности или ложности как соответствия или несоответствия объективной реальности, а с точки зрения их правильности или неправильности, т.е. соответствия или несоответствия социально и intersubjectively значимым образцам. Любая оценка означает наличие у предмета свойств, приближающих его к некоторому нормативному образцу. Так, выражение «хорошая земля» указывает на способность почвы давать высокий урожай, «хороший друг» — свойства человека, на которого можно положиться. Значение оборота «хороший» сливается со значением оборота «соответ-

ствующий достижению такой-то цели» или «соответствующий такому-то образцу или стандарту». Во всех этих случаях речь идет о соответствии определенного типа. Но если истинность — установление соответствия существу, то нормативно-ценностная оценка есть установление соответствия потребностям и целям социального субъекта, т. е. должному, необходимому.

Как истина является метапредикатом, применимым к любому знанию, соответствующему реальности, и выражает общую семантическую схему этого соответствия, так и оценочное выражение «хороший» является по сути дела «омонимом» (Аристотель), «псевдопредикатом» (Е. Холл), «метапредикатом» (Дж. Мур), «универсальным аксиологическим квантором» (Р. Гартман). Конкретный ответ на вопросы: «Что есть добро (хороший)?» и «Что есть истина?» зависит от предмета анализа и выбора методологии.

Указание целевого (нормативно-ценностного) соответствия по своему семантическому содержанию и механизму аналогично установлению истинности, что также является морфологичным и предикативным, так как свойства цели (образца, стандарта) могут описываться вполне определенными предикатами. Так о конкретном ноже можно говорить как о «хорошем» тогда и только тогда, когда он имеет характеристики, требуемые стандартом и, главное, этим стандартом заданные. Семантика и описания, и оценки связаны с отсылкой к некоторым образцам, имеющим нормативный характер. Для описаний это — соответствие предметному значению, задаваемое с помощью единства описательной и нормативно-указательной идентификации. Например, утверждение «красный автомобиль» истинно тогда и только тогда, когда цвет описываемого автомобиля соответствует традициям именовать его как красный. Для оценок это также соответствие нормативному образцу: утверждение «хороший автомобиль» истинно тогда и только тогда, когда автомобиль обладает определенным набором свойств.

В этой связи становится ясным общий характер перехода от описания к оценке и от описания к норме. В первом случае речь идет о задании (описании) свойств реального или идеального образца и установлении степени соответствия этим свойствам конкретных анализируемых вещей. Во втором на основании того же описания формулируются требования («хороший нож должен быть острым», «хороший доклад должен быть кратким и ясным»), которые могут участвовать в оценке.

Итак, оценки, нормы и фактологические описания, будучи различными по семантической природе, едины в их механизме семантического оценивания — все они суть установления определенных соответствий. Описания дескриптивны и объективны (суть описания объективной реальности), нормы и оценки дескриптивны и субъективны (суть соответствия

описываемой реальности описаниям образцов и целей). «Истинностная» и «целевая (нормативно-ценностная)» оценки оказываются двумя полюсами — объективным и субъективным — в установлении смысла знания. На этой основе уже можно решать вопрос о «логико-семантической» природе проблемы существенного.

Однако, в какой степени ни соответствовала бы идея целям и потребностям, как бы она ни была в этом плане «хороша», если она не реализуема, то остается утопией и фантазией. Знание, интегрируемое в идею, не будет отличаться от представлений о чуде как о желаемом преобразовании сущего в должное вне учета реальных возможностей такого преобразования. Поэтому знание, содержащееся в идее существенного, должно пройти оценку не только на истинность как соответствие реальности. В этом случае оно не выходит за рамки потенциальной осуществимости, реализации идеи «в принципе». Интегрируемое в идею сущности знание должно пройти проверку и на возможность фактической реализации идеи, на соответствие имеющимся в наличии средствам.

16. Возможность стереоскопической семантики

Правомерной постановкой вопроса о логико-семантической природе синтеза осмысленного знания представляется не сведение друг к другу различных видов семантического соответствия, а их совмещение в едином семантическом схематизме. Следует различать как минимум три вида семантического соответствия.

1. Адекватность целям, которая оценивается как соответствие данного описания описанию желаемого результата, нормативного образа (нормативно-ценностная оценка и соответствие).
2. Адекватность реальности как истинность или ложность описания (истинностная оценка и соответствие).
3. Адекватность имеющимся средствам и возможностям (оценка на реализуемость).

В принципе можно выделить также четвертый вид соответствия — установление адекватности реализованной идеи предполагавшейся ценностной форме (результативная оценка).

Каждый из видов семантического соответствия (оценивания) соотносит знание, содержащееся в идее, с различными видами реальности. Для анализа этих соответствий вполне применим (с несущественными модификациями) обычный семантический аппарат в духе теории А. Тарского или ее развития (С. Крипке) и в «рефлексивной» семантике (23). Различие — в характере действительности, соответствия с которой устанавливается. В первом случае это — реальность целей (ценностных норм). Во втором — непосредственно материальная действительность. В третьем —

реальные возможности, которыми мы располагаем. Синтез этих трех оценок-соответствий позволяет говорить об идее не просто как об истинном знании, а как о знании, выражающем «истинное стремление», т. е. знании, берущемся в единстве модусов (абстракций) потенциальной осуществимости, практической целесообразности и фактической реализуемости.

Каждый из семантических аспектов (соответствий) идеи может быть связан со стадиями зрелости и воплощения идеи.

1. Формирование цели как образа желаемого результата есть этап осознания потребности и формирования представления о должном и необходимом. Однако должное и необходимое может быть и принципиально не осуществимым в действительности (как в случае со сказочными образами ковра-самолета, скатерти-самобранки и т. п.).

2. Установление принципиальной (потенциальной) осуществимости цели на основе объективного истинного знания. Но и истинное знание может быть еще не реализуемо, поскольку средства его воплощения еще не созданы в силу низкого уровня развития производственных сил. Это — уровень научной идеи, художественного замысла и т. п. Ряд образов научной фантастики основан на таком знании потенциальной осуществимости.

3. Установление путей и средств реализации идеи.

Предложенная семантическая трактовка знания одновременно в модусах истинности (потенциальной осуществимости), практической целесообразности и фактической реализуемости есть, по сути дела, переход от двумерной, «плоскостной» семантики, рассматривающей знание только в терминах «истинно» — «ложно», к семантике «стереоскопической». Семантическое обоснование практического рассуждения и содержание идеи сущности «стереоскопично» в том смысле, что задается не одной, а как минимум — тремя проекциями, каждая из которых есть установление определенного вида соответствия (оценки).

Воспользуемся традиционным для логической семантики представлением содержания знания в виде некоторого множества описаний состояния («возможных миров»), непротиворечиво описывающих некоторую предметную область. Среди описаний состояния выбирается одно — соответствующее реальному состоянию предметной области (выделенный «реальный мир»). Остальное суть описания его непротиворечиво возможных состояний. В терминах описаний состояния вводятся и определяются понятия выполнимости, логической истинности (выполнимости во всех описаниях состояния — «возможных мирах»), логического следования, доказуемости, формализуемости и т. д. С точки зрения этого логико-семантического аппарата обоснование содержания идеи сущности будет выражаться в последовательном вычеркивании описаний состояния («возможных миров»), не соответствующих реальности (семантическая оценка в терминах «истинно» — «ложно»), цели или нормативному образцу

(оценка в нормативно-ценностной проекции «хорошо» — «плохо»), имеющимся средством (оценка в проекции реализуемости: «реализуемо» — «переизуемо»). Каждое из вычеркиваний есть результат установления соответствия (несоответствия) проекции набора описаний на плоскости соответствующих характеристик-критериев. В результате такой стереоскопической процедуры оценивания происходит вычеркивание знания о переальном, ненужном и невозможном в данных условиях, т.е. о несущественном. Оставшийся набор описаний состояния дает представление о содержании знания, осмысленного и существенного с точки зрения не только его истинности, но и целей, и возможностей практики.

Предложенный подход оставляет анализ в рамках семантически, что, однако, не исключает возможности специальных прагматических построений, примером которых могут служить концепции Р. Монтегю и Р. Столнейкера (24). Если в концепции Монтегю прагматический контекст совместно с системой «возможных миров» детерминирует значение истинности утверждений, то, согласно Столнейкеру, эта детерминация поэтапна: прагматический контекст определяет концептуальные системы, а те уже имеют определенные значения истинности или ложности. По крайней мере представляется заслуживающим внимания отнесение Р. Монтегю понятия смысл к сфере прагматики, а не семантики, которую он связывает исключительно с понятиями истинности и выполнимости.

17. Логический анализ существенности

Логический анализ и синтез существенного знания на подобной семантической основе в принципе может осуществляться двумя способами. Так, каждое соответствие может рассматриваться как введение некоторого оператора над описанием. Пусть T — оператор соответствия реальности, G — оператор соответствия целям, а R — оператор соответствия практическим возможностям. Тогда выражение $TGR p$ будет означать не только истинность p , но и его целесообразность и практическую реализуемость. Каждый оператор дает выражению соответствующую модальную квалификацию, поэтому логический анализ и синтез идеи в этом случае может строиться на основе комбинирования модальных операторов. С точки зрения семантики «возможных миров» это означает, что операторы T , G , R и вводят соответствующие каждому из них системы описания состояния («возможные миры»). Знание, представленное в каждой из этих систем, выражает соответствующие составляющие содержания идеи. Последняя предстает как инвариант преобразований систем описаний состояния, вводимых модальными операторами. Такой подход можно назвать «модальным». Он делает акцент на формальной стороне дела и предполагает построение специальных логических систем, исследующих отно-

шения между модальными операторами, и последующую семантическую интерпретацию этих систем.

Другой подход, назовем его «семантический», наоборот, строится на предварительном установлении соответствий (вычеркиваний описаний состояния) и лишь затем на формализации инвариантного знания. В этом случае для логического анализа и синтеза осмысленного знания (соответствующего и реальному, и должному, и реализуемому), т. е. содержания идеи, программы и т. п., вполне достаточен обычный аппарат логики предикатов.

Если допустить возможность противоречивых описаний состояния («невозможных возможных миров»), то логический переход от целей к средствам аналогичен релевантному следованию, когда импликация $A \rightarrow B$ приемлема, если мы используем именно A для достижения B . Более естественным, однако, является использование обычной логической дедукции в ее стандартном выражении или с некоторыми модификациями, например, в духе теории резолюции (25). Возможна также интерпретация построения и анализа в рамках теоретико-игровой семантики, когда анализ рассматривается в виде диалогической игры, участники которой защищают или оспаривают некий тезис.

Переход знания, выраженного в идее или целевой программе, из модуса практической целесообразности в модус физической реализуемости подобен решению задачи, когда предполагается существование неизвестного (x), удовлетворяющего условиям, т. е. делающего их истинными. В этом случае решение задачи может быть ориентировано «на нахождение» — поиск предмета, удовлетворяющего некоторому описанию, либо «на доказательство» — поиск непротиворечивого описания этого предмета. Однако логический строй плана решения один — разрешение противоречия между возможным (идеальным) и действительным (реальным). Допущение о существовании цели (неизвестного) в случае установления непротиворечивости плана решения устанавливает и реальный статус неизвестного. Аналогично и в техническом творчестве имеются два основных класса проблем: перехода от известного предмета к возможностям его использования и от представления о возможном назначении (свойствах и параметрах) — к предмету, его реализующему. Первая проблема сводится к задаче «на доказательство», вторая — «на нахождение».

Выражая единство анализа и синтеза, непротиворечивого описания и построения, логический анализ идеи сущности разворачивается и как единство необходимого и возможного. Пронизывая и интегрируя различные модусы знания в рамках идеи, плана решения или целевой программы, он разворачивается в одной плоскости «как бы реального». Логический анализ выражает само существо вопроса о семантическом обосновании идеи существенности. Выступая прескриптивной гипотезой, знанием,

интегрирующим информацию о необходимых ресурсах и условиях достижения целей, идея существенного выражает в конечном итоге предписания по реализации этих целей. Важно, что представления о сущности, как и любой план решения, могут проверяться и корректироваться только на основе их выполнения. Однако нелепо корректировать программу после ее выполнения. Поэтому в качестве проверки идей широко используются методы имитации и моделирования. Но именно в роли такого моделирования и выступает логико-семантический синтез знания. Он дает знание о непротиворечивом единстве знания истинного, должного и возможного, т. е. непротиворечивую, «работающую» модель. Логический формализм дает информацию как о «скрытом схематизме», так и о его возможном развитии. Логическое единство задач «на нахождение» и «на доказательство» есть единство описательного и операционального компонентов модели: первый дает знание о структуре явления, второй — о множестве актов преобразования и построения этой структуры. Поэтому неверно, что «логическое следование зависит от понимания» (26). Логическое следование есть упорядоченная структура концептуализированного (уже понятного и осмысленного) знания.

В современной логической семантике необходимость и возможность трактуются фактически как квантификация по описаниям состояния («возможным мирам»): необходимо то, что истинно во всех описаниях состояния, а возможно — то, что истинно в некоторых, хотя бы и в одном из описаний состояния. Такой подход, применяемый, например, в семантическом обосновании систем модальной и интенциональной логики, по сути дела, является сведением содержания идей необходимого и возможного к идеям общего и особенного (27). Однако, как мы уже отмечали, необходимость — это не только проявление универсальной общности (всегда и везде сущего), но и долженствование удовлетворения некоторой потребности, достижения цели. Возможность, в свою очередь, выступает как способность реализации этой цели, допустимость ее реализации. При этом речь идет не о возможных «вообще» описаниях, а возможных относительно необходимых целей при определенных условиях, и мы получаем перспективу логического анализа знания существенного (необходимого). Осмысленное знание как знание существенного выражается в синтезе знания, взятого в модусах истинности, целесообразности и реализуемости. И в этом плане предложенная многомерная («стерeosкопическая») семантика реализует идею об оптимизирующей роли нормативно-ценностных регуляторов познания. Оптимизация состоит в обеспечении логического синтеза, рациональности осмысленного знания.

18. Существенность и эффективность

Существенность является выражением единства анализа и синтеза, выявления расчлененности предмета познания, описания этой расчлененности («сделанности») и программы воссоздания в новом единстве, задаваемом целями практической деятельности. Истинность же достигается за счет включения нормативно-ценностных факторов образования и функционирования знания в единую систему критериев, а не за счет абстрагирования от них, отказа от их учета.

Предложенная модель семантического оценивания как установления трех видов соответствия перекликается с видами эффективности целенаправленной деятельности как отношений: 1) выбираемых целей к потребностям (ценностным нормам); 2) результата к целям; 3) результата к затратам ресурсов (28).

Перекличка понятий не случайна. Она свидетельствует о глубокой функциональной общности управленческих и познавательных процессов, выражающейся в их обусловленности практической деятельностью. Как интегральным выражением эффективности является отношение потребностей к имеющимся возможностям и ресурсам, так и интегральным выражением идеи сущности является рассмотренный логический синтез знания об «истинном стремлении», представляющий содержание идеи существенности как программу эффективного, т.е. реализуемого и результативного действия.

19. Сущность и целостность

Сущность и существенность связаны не только с целеустремленностью, но в итоге и с конечностью, ограниченностью выражения, описания и отображения. Они суть не что иное, как проявление попыток конечной, ограниченной в пространстве и времени системы (например, человека) понять и выразить конечными средствами бесконечное разнообразие мира, включая бесконечное разнообразие характеристик и свойств отдельной вещи. Эта ограниченность неизбежно проявляется в абстрагировании от одних свойств и выделении других, существенных в каком-то смысле (плане, цели) и образующих некоторую целостную выделенность вещи.

Помимо прочего это означает и возможность за конечное число шагов построить, сконструировать, воссоздать данную вещь как единое целое. Поэтому, кроме инвариантности (везде присущности) и независимости, отмеченных в начале работы в качестве главных характеристик существенности, можно говорить еще об одном существенном свойстве существенности — целостности. Как писал Аристотель, «сущее и единое — одно и то же, и природа у них одна... сущность каждой вещи есть “единое”

не привходящим образом, и точно так же она по существу своему есть сущее» (29).

Сущность предстает интегральным выражением целенаправленности и эффективности человеческой деятельности и познания. В связи с этим можно привести не один пример из русского языка, в котором слова «целое», «целостность», «целина» и т.п. восходят к тому же корню, что и «цель».

20. Два типа рациональности. Сущность и свобода

Проведенный анализ показывает, что идеи сущности и существенности непосредственно связаны с рациональностью как эффективностью и конструктивностью целенаправленной деятельности. Что позволяет говорить о познании сущности, как не разумность человеческих мыслей и действий? А разумно и рационально то, что позволяет достичь цели, причем оптимальными средствами. На этом основан взлет западной цивилизации. Но XX столетие открыло на этом пути не только благоденствие и процветание. Экологические проблемы, ядерное оружие, технические катастрофы, опасные технологии, политическое насилие — отнюдь не побочные издержки, а прямые и непреложные следствия определенных идей; познание сущности явлений открывает (и оправдывает) приведение окружающей действительности в соответствие с этой познанной сущностью.

Укоренившееся понимание разумности и рациональности (и связанной с нею существенности) может быть связано с античной «технэ»-идеей искусственного (и искусного) преобразования реальности в соответствии с некоторым замыслом. Синтез этой идеи с идеей единобожия и дал традицию европейской рациональности. Мир в целом и в своих фрагментах предстал сделанным. Путь познания — путь осознания схематизма этой сделанности. Беспредельное сводится к конечному, финитному. От Бога-творца к деизму и от него к человеку-инженеру — вот путь европейской цивилизации. Традиционная рациональность фактически отрицает гармонию, меру, сеет омертвление живого абстрактными схемами, требующими для своей реализации принудительного внедрения, порождая те проблемы метафизики нравственности, с которыми человечество столкнулось в XX столетии.

Но есть и другая традиция рациональности, фактически — инорациональности. Ее можно связать с античным понятием «космос» — идеей гармоничной целостности мира, когда особое значение приобретает индивидуально-неповторимое — не абстрактный элемент множества, а необходимая часть целого, без которой это целое уже иное. Космическая рациональность близка идее Дао как истины-пути и ответственности за следование ему, ответственности за гармоническую целостность мира.

Проблема сущности вещи, ее целостности и неповторимости, оказывается неотрывно увязанной с проблемой сущности (той же целостности и неповторимости) мира в целом. Более того, в силу этого проблема сущности оказывается связанной и с проблемами свободы и ответственности. «Техническая» рациональность отбрасывает эти проблемы как иррациональные, не укладывающиеся в представления о технологии разумного. Поэтому и порождает безответственное самозванство. Природа, общество подвергаются насилию ради воплощения якобы познанных закономерностей их же развития. И ответственность при этом снимается — ведь и природа, и люди приводятся в соответствие со своей же сущностью. Иначе говоря, свобода становится произволом, навязываемым извне природе, обществу, человеку.

Если сведение бесконечного и абсолютного к относительному и конечно созданному ведет к бесчеловечному, то установка на беспредельное и абсолютное ведет к работе души и гуманности. Ответственность первична, ум и разум вторичны. Они суть средства осознания меры и глубины ответственности, меры и глубины включенности в связи и отношения, меры и глубины укорененности и свободы в мире.

«Космическая» рациональность не отбрасывает «техническую», ее аппарат. Познать меру и глубину ответственности человек может только традиционными рациональными методами (теоретическое знание, моделирование и т. д.). Но меняется вектор. Не ответственность ради рационального произвола, а разумность как путь осознания меры и глубины ответственности. Обычный путь — путь произвола и самозванства, путь разрушения природы, человеческих связей и душ. Другой путь — путь свободы и ответственности, путь утверждения бытия и гармонии — в душе и с миром. Либо прав Ф. М. Достоевский, и «ум — подлец, потому как виляет» и способен оправдать что угодно, либо надо уметь им пользоваться.

Наше время — время осознания предела традиционного «технологического» разума и рациональности. Все более сужается поле самозванства, которое человечество может допустить в технике, политике и даже в науке. Познание сущности, существенность знания оказываются проявлением специфически человеческого измерения бытия — свободы и ответственности в гармонической целостности сущего.

¹ *Аристотель*. Метафизика. Кн. 4 (г). Гл. 2 // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 119–120.

² *Соколов В. В.* Средневековая философия. М., 1979. С. 355.

³ *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 286.

⁴ *Woods J.* Essentialism, Self-identity, and «Quantifying In» // *Identity and Individuation*. New York, 1971. P. 68.

- ⁵ Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. С. 285.
- ⁶ Quine W. v. O. Word and Object. Cambridge (Mass.), 1960. P. 199–200.
- ⁷ Платон. Тестет // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 237–304.
- ⁸ Kripke S. Naming and Necessity // Semantics of Natural Language. Dordrecht etc., 1972. P. 272–273.
- ⁹ Chisholm R. The Logic of Knowing // The Journal of Philosophy. 1983. Vol. 60. N 25. P. 794–795.
- ¹⁰ Попович М. В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. Киев, 1979. С. 270.
- ¹¹ Рассел Б. Проблемы философии. СПб., 1914. С. 35.
- ¹² Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 1957. С. 343.
- ¹³ Тульчинский Г. Л. «Новые» теории истины и «наивная» семантика (Об альтернативных теориях истины в современной логической семантике) // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 27–32.
- ¹⁴ Рассел Б. Человеческое познание; Розов М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977.
- ¹⁵ Гусев С. С. Наука и метафора. Л., 1984; Кулиев Г. Г. Метафора и научное познание. Баку, 1987; *Metaphor: Problems and Perspectives*. Brighton, 1982; Quine W. v. O. Word and Object.
- ¹⁶ Salmon N. U. Reference and Essence. Oxford, 1982.
- ¹⁷ Бессонов А. В. Предметная область в логической семантике. Новосибирск, 1985.
- ¹⁸ Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- ¹⁹ Саймон Г. Наука об искусственном. М., 1972.
- ²⁰ Тульчинский Г. А. «Новые» теории истины и «наивная» семантика. ...
- ²¹ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 173–174.
- ²² Бакурадзе О. Я. Истина и ценность // Вопросы философии. 1966. № 7. С. 45–48.
- ²³ Тульчинский Г. Л. Проблема осмысления действительности. Логико-философский анализ. Л., 1986.
- ²⁴ Монтегю З. Прагматика // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981. С. 254–279; Столмейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 419–438.
- ²⁵ Чень И., Ли Р. Математическая логика и автоматические доказательства теорем. М., 1983.
- ²⁶ Stroud B. Inference, Belief und Understanding // Mind. 1979. Vol. 88. N 350. P. 190.
- ²⁷ Ивлев Ю. В. Содержательная семантика модальной логики. М., 1985; Слинин Я. А. Современная модальная логика. М., 1976.
- ²⁸ Рассел Б. Проблемы философии.
- ²⁹ Аристотель. Метафизика. Кн. 4 (г). Гл. 2. С. 120–121.